

Глава 23

Жун Чжао помрачнел. Сверля юношу тяжёлым взглядом и едва сдерживая гнев, он процедил сквозь зубы:

— С каких это пор я давал согласие на поиски этого твоего острого перца?

Чжу Цзылин лишь невинно захлопал ресницами:

— Раз нельзя сейчас, то можно и позже.

— ...

Князь сделал глубокий, почти незаметный вдох. Поймав боковым зрением странные выражения лиц Фан Цзяня и Сяо Юэмина, он всё же сдержался. Выдержав паузу, Жун Чжао ледяным тоном произнёс:

— Ванфэй может быть свободен. У меня есть важные дела, и нет времени на пустую болтовню.

— О...

Цзылин догадался, что супруг, скорее всего, занят расследованием покушения, и не стал навязываться. Он послушно направился к выходу, но, словно не замечая ярости на лице господина, напоследок добавил с обезоруживающей прямоотой:

— Я оставлю это здесь. Если всё же надумаете отправить людей, не забудьте — всё должно быть в точности так, как я расписал.

— ...

Жун Чжао промолчал, провожая его тяжёлым взглядом. Когда за Чжу Цзылином закрылась дверь, князь опустил взор на лежащие на столе листы. От него исходила такая аура холода, что будь эта бумага живым существом, она бы наверняка затрепетала от ужаса и испустила дух на месте.

Заметив, что Ли-ван смотрит на подношение, но не спешит его убирать, Фан Цзянь через некоторое время не выдержал. Он осторожно протянул руку, желая рассмотреть, что же такого там накорябано. Однако стоило его пальцам почти коснуться листов, как те внезапно взлетели и оказались в руках Жун Чжао.

Советник замер с протянутой рукой.

— Ванъе, и что же там написано? — любопытно спросил он, вытягивая шею.

Жун Чжао не ответил. С мрачным видом он просмотрел всё содержимое и так же холодно отложил листы в сторону. Там действительно не было ничего, кроме этого проклятого острого перца. Ни единого слова, адресованного лично ему.

Фан Цзянь, не подозревая о душевных метаниях господина, тут же перехватил бумаги.

— Это... это что ещё за чертовщина?! — не сдержал он возгласа, едва взглянув на рисунок.

Лишь дочитав до пояснений, он понял: перед ним плод из заморских стран, ярко-красный и, по заверениям автора, обладающий острым, стимулирующим вкусом — идеальная приправа. Разобравшись, что к чему, Фан Цзянь вновь посмотрел на «шедевр» и невольно поморщился.

Сочетание красного и зелёного считается классикой, но почему в исполнении Чжу Цзылина оно выглядело столь зловеще? Плод больше напоминал не еду, а жуткого зелёного паука, пожирающего красные коконы. От одного взгляда на это художество становилось не по себе.

Впрочем, бездарность рисунка была не главной проблемой. Справившись с изумлением, советник озадаченно спросил:

— Неужели ванфэй всерьёз полагает, что вы отправите людей за этим... острым перцем? Даже если всё описание верно, по его же словам, этот плод растёт на другом краю океана. Чтобы добраться туда, нужен огромный корабль, точные карты и опытные моряки. Путь туда и обратно займёт не меньше пары лет.

Он покачал головой:

— Сколько же денег придётся на это угробить? И всё ради какой-то приправы? К тому же нет никакой гарантии, что они вообще что-то найдут. О чём только думает юноша? Неужели он правда надеется на ваше согласие?

Жун Чжао одарил его ледяным взглядом.

— Ты ведь и сам всё видел.

При воспоминании о недавней сцене лицо князя вновь потемнело.

— Но это же совершенно невыносимо! — настаивал Фан Цзянь. — Может быть, ванфэй просто пытается таким образом скрыть свои истинные цели? Если так, то что он замышляет на самом деле?

Видя, что собеседник снова пустился в дебри теорий заговора, Сяо Юэмин хотел было возразить, но его опередил Жун Чжао.

— У него на это ума не хватит, — холодно отрезал он. Его взгляд на миг задержался на причудливо-безобразном наброске супруга. В голосе князя, помимо привычного пренебрежения, внезапно проскользнуло некое странное недовольство. — Он наверняка даже не представляет, каких трудов стоит снарядить экспедицию за море. В его голове лишь одна мысль: этот острый перец может вернуть мне аппетит.

— Хм.

Сяо Юэмин и Фан Цзянь невольно переглянулись, пребывая в крайнем замешательстве.

«Как-то это больше похоже на... хвастовство?»

Сяо Юэмин поспешил опустить голову, не решаясь больше вставлять ни слова. Советник ещё хотел что-то уточнить, но Жун Чжао резко сменил тему:

— Довольно. Вернёмся к делу и забудем об этих фантазиях.

«Это не имеет отношения к делу, тогда зачем было повторять это ещё раз? Да и действительно ли это попытка угодить? Разве ванфэй только что не довёл его до белого каления?»

Фан Цзянь чувствовал, что в этой ситуации было нечто в корне неверное, но промолчал. Тем временем Сяо Юэмин, проявив тактичность, вернулся к главному:

— Я считаю, что нам нужно усилить допросы. Раз у нападавшего не нашлось зацепок, значит, нужно искать след предателя, затаившегося в поместье.

Фан Цзянь кивнул, подхватывая мысль:

— Верно. Однако обыски в таких масштабах привлекут лишнее внимание, да и времени это займёт немало.

Жун Чжао на мгновение задумался.

— А что, если зайти с другой стороны? — негромко произнёс он. — Подумайте, кому именно сейчас выгодна моя смерть?

Фан Цзянь замер, а Сяо Юэмин нахмурился. У князя хватало врагов: Цзинь-ван, Юй-ван и даже, возможно, сам император Юнсюань втайне желали ему гибели. К этому стоило добавить

северных Ди и западных Ляо — мотивы были у всех. Более того, подобные покушения часто использовались для того, чтобы подставить конкурентов. Именно поэтому стражи привыкли искать прорехи в собственной обороне, не доверяя очевидным выводам.

Но стоило Жун Чжао указать направление, как в голове у его подчинённых начала выстраиваться иная картина.

После свадьбы Ли-вана с женщиной подозрительность императора и Цзинь-вана должна была поутихнуть. По крайней мере, сейчас им не было смысла жертвовать элитными убийцами ради его устранения. Единственным открытым противником Цзинь-вана оставался Юй-ван, и все его силы должны быть брошены на него. Нападать на Ли-вана сейчас — значит дарить Юй-вану победу.

Что же до императора... Пока Жун Чжао не выказывал явных признаков неповиновения, тот не стал бы покушаться на его жизнь. Раньше Юнсюань не раз пытался избавиться от племянника, но стоило границам запылать, как он понял: только Ли-ван способен сдерживать полчища северных Ди. Императору пришлось проявить немалое терпение, проглатывая дерзости князя и даже его убийства прямо в тронном зале. Теперь же, когда Жун Чжао смиренно принял навязанный брак, тем самым отказавшись от претензий на трон, Юнсюаню и вовсе не было резона действовать.

Выходило, что главными подозреваемыми оставались Юй-ван либо внешние враги, сумевшие проникнуть в Великую Ци?

— На восемьдесят процентов уверен — это люди северных Ди, — ледяным тоном произнёс Жун Чжао. — Второй брат и его клика предпочитают более изощрённые методы. Они прекрасно знают, что покушение на меня в стенах поместья обречено на провал, и вряд ли стали бы так рисковать.

Юй-ван хоть и считал Ли-вана бельмом на глазу, сейчас был слишком поглощён борьбой за престол. Ни он, ни Цзинь-ван не хотели давать друг другу преимуществ. Скорее всего, Юй-ван решил бы проблему Ли-вана уже после того, как воцарится сам.

Сяо Юэмин нахмурился:

— Неужели влияние северных Ди просочилось даже в столицу?

Жун Чжао мерно постукивал пальцем по столу.

— У первого и второго принцев вряд ли хватило бы духу на прямую измену... — помрачнев, произнёс он.

Все они прекрасно помнили судьбу Цзинь-гогуна, чей род был истреблён до девятого колена по

обвинению в сношениях с врагом. Эти люди сами погрязли в интригах, а потому до ужаса боялись подобного клейма.

— Но не исключено, что какой-нибудь недоумок из их окружения решил поиграть в предателя, — в глазах князя вспыхнула тёмная ярость, а голос стал колючим. — Копайте в этом направлении. Начните с их тайных людей, которых они прячут в городе.

Без поддержки кого-то влиятельного в столице кочевники никогда бы не смогли заслать убийцу в поместье Ли-вана. Это было бы из области фантастики.

— Если кто-то действительно стал псом на побегушках у северных Ди, я не прочь обрушить кару и на головы их хозяев, — мрачно добавил Жун Чжао.

***

После неудачного покушения жизнь в поместье стала ещё более напряжённой. Атмосфера была пропитана суровостью и предчувствием грозы, люди князя сбивались с ног от работы. И лишь Чжу Цзылин по-прежнему наслаждался праздностью и изысканными блюдами.

Освоив приготовление рыбы на железной плите, повара быстро научились делать ароматное острое масло и использовать технику обжига раскалённым жиром. Под чутким руководством ванфэй они начали экспериментировать и с другими продуктами.

Вскоре на столе Цзылина появились тофу и кальмары на железной плите, а также облегчённые версии знаменитых блюд: шуйчжуй, шуйчжу жоупянь и даже коушуйци... Остроты в них было маловато, но это всё же помогало унять тоску по нормальной еде. Впрочем, желание попробовать настоящий вариант с перцем лишь крепло.

Смакуя очередное блюдо, Цзылин вспоминал, что в Великой Ци не хватает не только острого перца. Ни картофеля, ни томатов, ни кукурузы с арахисом здесь ещё не видели. А ведь родина у многих из них была та же, что и у перца.

«Если Жун Чжао всё равно отправит людей, почему бы им не поискать и остальное? Было бы чудесно привезти всё разом».

Эта мысль не давала ему покоя. Цзылин решил, что одного рисунка острого перца мало, и принялся составлять целый каталог заморских культур, снабжая каждую подробными описаниями и набросками. Каждый раз, когда он приносил новые листы в кабинет князя, лицо Жун Чжао становилось всё мрачнее. Он вновь и вновь подчёркивал, что не давал согласия на экспедиции, но юноша, пропуская его холодность мимо ушей, продолжал гнуть свою линию.

Князь в раздражении выпроваживал супруга, но — что примечательно — листы неизменно оставлял у себя. А на следующий день Чжу Цзылин являлся снова. Глядя на такое упорство,

юноша чувствовал, что день, когда он отведаёт настоящий хого или пряного краба, уже не за горами. По его мнению, Жун Чжао явно был готов сдаться.

Пребывая в прекрасном расположении духа, Цзылин решил в качестве стимула угостить супруга чем-нибудь новеньким — вонючим тофу. Чоу доуфу был не самым сложным в приготовлении, и в народе его иногда ели, хоть способы и вкусы везде различались. Однако из-за специфического запаха это блюдо никогда не подавали к столу вельмож. Простые же люди не имели такого изобилия приправ, поэтому их вариант и в подмётки не годился тому, что Цзылин пробовал в будущем.

Многие брезгливо воротили нос от такой «безвкусицы», но Цзылина подобные предрассудки не волновали. После тофу на железной плите он не мог выкинуть из головы эту популярную закуску. Стоило ему представить её вкус, как рот наполнялся слюной. Юноша твёрдо решил побаловать себя и заодно приобщить к прекрасному Ли-вана, который наверняка и понятия не имел о притягательности этого блюда.

Секрет хорошего чоу доуфу крылся в рассоле — той самой вонючей жидкости, которая превращала обычный соевый творог в деликатес с божественным вкусом. Поначалу Цзылин не раскрывал своих планов. Он велел поварам взять свежее соевое молоко, добавить туда чёрные соевые бобы, грибы сянгю и зимние побеги бамбука, всё это проварить, а затем процедить и остудить. После в смесь снова добавили бамбук, грибы, соль, крепкий алкоголь и щёлочь. Теперь оставалось лишь плотно закрыть сосуд и ждать, пока начнётся процесс ферментации.

Повара поначалу решили, что господин затеял какой-то новый десерт, на сей раз солёный. Но когда Чжу Цзылин заговорил о герметичном брожении, они поняли, что речь идёт о рассоле.

«Однако все эти продукты после ферментации... разве они не протухнут?!»

На кухне воцарилось молчаливое сомнение, но, помня о предыдущих кулинарных триумфах ванфэй, повара не решились спорить. Для идеального результата рассол должен был бродить не меньше месяца, а то и дольше, так что дегустация откладывалась.

Чжу Цзылин и не заметил, как за едой и ожиданием пролетело время. В один из дней ему внезапно доставили изящную карточку.

— Пир любования цветами? — он на миг растерялся. — С чего вдруг мне прислали приглашение?

Разве не говорили, что Ли-вана все обходят стороной, считая его зловещей звездой?

— Молодой господин теперь всё-таки ванфэй, — пояснил Чжоу Шэн. — Если какая-нибудь знатная дама устраивает приём, она просто не может обойти вниманием поместье князя.

Цзылин хмыкнул, рассматривая приглашение:

— Похоже, самому Жун Чжао они посылать побоялись, зато решили испытать удачу со мной.

— Разве это не хорошая новость? — удивился слуга. Неужели юноша хотел, чтобы от него, как от Ли-вана, все шарахались?

Ванфэй лишь тяжело вздохнул:

— И что тут хорошего? Скучища смертная. Можно я не пойду?

В его прошлой жизни, в мире после катастрофы, почти не осталось зелени, даже кору с деревьев обдирали дочиста. Поэтому теперь он с искренним наслаждением созерцал любые растения. В ярких красках цветов и сочной зелени он видел ту бурлящую жизненную силу, которой ему так не хватало раньше. Вид распускающихся бутонов помогал ему острее чувствовать, что ужасы прошлого остались позади, и заставлял ценить этот новый мир.

Но перспектива самого праздника его совсем не радовала. Для него изысканные сорта, выращенные мастерами, мало чем отличались от обычных сорняков в саду. А этот пир... Толпа людей будет с умным видом обсуждать лепестки и соревноваться в красноречии, а то и вовсе пытаться затмить друг друга нарядами. Цзылину это было совершенно неинтересно. Зачем идти туда, тратить время на пустую болтовню и скрытые колкости, если можно преспокойно сидеть дома, пить молочный чай и лакомиться сладостями?

Чжоу Шэн решил, что господин просто смущается, ведь это в первую очередь женское собрание.

— Но это приглашение от самой принцессы Аньпин, — с сомнением произнёс слуга. — Некрасиво будет отказаться.

Принцесса Аньпин, дочь Великой принцессы, была любимицей двора и теперь считалась родственницей Чжу Цзылина. Это было первое приглашение после свадьбы, и игнорировать его было бы верхом бестактности.

Но юноша лишь беспечно махнул рукой:

— Плевать. Ли-ван тоже никогда не ходит на такие сборища. Пусть считают, что я просто следую за мужем, будь он хоть курицей, хоть собакой.

— ... — Чжоу Шэн от таких слов даже дар речи потерял. — Больше никогда так не говорите! Слышите? Ванфэй и ванье... как можно вообще упоминать в одном ряду с вами каких-то кур или собак?

Если Ли-ван это услышит — беды не миновать. И откуда только в его молодом господине взялась эта несдержанность на язык? Просто беда.

Цзылин, не придав значения словам слуги, лениво зевнул и принялся листать изысканную бумагу, собираясь вежливо отказаться, как вдруг его взгляд зацепился за одну фразу:

«...вкусить их аромат, созерцать их великолепие и отведать их вкус...»

— Погоди-ка! — глаза юноши азартно блеснули. Он перечитал строчку ещё раз. — Так там ещё и кормить будут?

Чжоу Шэн не удивился:

— Наверняка подадут какие-нибудь изысканные лакомства из цветов: цветочный чай, печенье со свежими цветами...

Цзылин на мгновение задумался. Ему ещё не приелась кухня поместья, но почему бы не сменить обстановку? В конце концов, угощение бесплатное, грех отказываться. Повара у принцессы Аньпин наверняка не из последних.

— Ну, раз так, то я пойду, — внезапно передумал он.

— ...

«Может, всё-таки лучше было остаться дома? Пока другие будут восхищаться хризантемами, молодой господин будет занят исключительно едой. Не станет ли он посмешищем для всей знати?»

Чжоу Шэн невольно забеспокоился, но Цзылин уже всё решил. Он отправил ответное письмо и даже специально заглянул к Жун Чжао.

— Ванъе, послезавтра утром я отправляюсь к принцессе Аньпин на праздник цветов. Уеду после завтрака, но к обеду обязательно вернусь.

Князь решил, что супруг просто докладывает о своих планах, и хотел было кивнуть, как вдруг услышал продолжение:

— Вы только не обедайте без меня! Обязательно дождитесь моего возвращения!

Жун Чжао на мгновение лишился дара речи.

— Ванфэй не стоит так торопиться, — он отвёл взгляд от горящего энтузиазмом лица юноши. — Ничего страшного, если один раз мы пообедаем порознь.

— Как это — ничего страшного?! — глаза Цзылина округлились. — Каждая трапеза на счету! Обещаю вернуться к полудню, так что ждите меня!

На празднике наверняка будут одни сладости, разве мог он ради них лишиться роскошного обеда в компании Ли-вана?

— ... — взгляд Жун Чжао едва заметно дрогнул. Помолчав, он сухо ответил: — Хорошо, я понял.

Князю не раз доводилось встречать людей, которые искали его расположения. Они заискивали, льстили, пытались казаться преданнее всех на свете. Но всё это было лишь притворством, попыткой втереться в доверие ради мелкой выгоды. Стоило им пару раз натолкнуться на его холодность, как они в ужасе отступали, обнажая свою истинную натуру, полную страха и омерзения. Но Чжу Цзылин был иным. Сказал, что будет обедать с ним — и ни разу не нарушил слова. Даже если речь шла о суровых северных краях или любых других помехах, он неизменно выбирал его общество.

Цзылин и не подозревал, какими странными мотивами наделяет его супруг. Получив согласие, он, довольный, отправился готовиться к выезду.

В назначенный день, не без помощи Чжоу Шэна, юноша привёл себя в порядок. К его удивлению, Ли-ван уже велел подготовить для него экипаж, да ещё и распорядился поставить внутри столик с закусками. При виде такого изобилия Чжу Цзылин просиял, и его былая обида на князя за события прошлой жизни почти окончательно испарилась.

Пока он пребывал в прекрасном настроении, на другом конце города, в поместье министра, госпожа Ху тоже садилась в карету. Её целью был тот же праздник, но в отличие от пасынка, она выглядела крайне напряжённой. Губы её были плотно сжаты, а на лбу залегла глубокая складка.

В последнее время жизнь госпожи Ху превратилась в череду неудач. Будучи второй женой, она всеми силами стремилась сделать своего сына, Чжу Цзычжэня, единственным наследником, а потому с самого начала возненавидела старшего сына первой супруги. Долгие годы она притесняла Цзылина, настраивая против него отца, и не раз подумывала о том, как бы вовсе избавиться от помехи. Но юноша был осторожен: сначала его оберегала тётушка Линь, а потом он и сам подрос. К тому же Ху приходилось оглядываться на мужа и не действовать слишком открыто.

Когда Чжу Цзычжэнь столкнул брата в воду и тот едва не умер от лихорадки, госпожа Ху решила, что настал идеальный момент. Чтобы наверняка покончить с пасынком, она даже распорядилась не давать ему лекарств. Кто же знал, что этот никчёмный мальчишка выкарабкается? И не просто выживет, а превратится в форменного демона. Прежний тихий и забитый Цзылин вдруг стал необычайно свирепым: он покалечил слуг и избил Чжу Цзычжэня

так сильно, что тот несколько дней не мог подняться с постели.

Сын был для Ху светом в окошке, и при мысли о его страданиях она была готова содрать с Цзылина кожу. Решив, что в пасынка вселился злой дух, она вызвала мастера для изгнания нечисти. На самом же деле госпожа Ху планировала под этим предлогом окончательно избавиться от юноши. Но стоило ей приготовиться к захвату, как вернулся Чжу Жуйхун и объявил: император дарует Чжу Цзылину брак с Ли-ваном.

Цзылин внезапно стал неприкосновенным. Поначалу слова мужа о том, что этот брак поможет карьере Чжу Цзычжэня, немного утешили её. Цзылин уходил из семьи, терял права на наследство и, скорее всего, не прожил бы долго рядом с Ли-ваном. Ради будущего сына Ху решила стерпеть.

Но реальность оказалась куда горше. Мало того что пасынок лишился наследства, так его приданое опустошило половину кладовых министерского поместья! Все её надежды на богатое подношение от Ли-вана пошли прахом. Она не только ничего не получила, но и сама лишилась огромных средств.

Позже, во время визита к родителям, Чжу Цзылин, пользуясь тенью князя, доставил ей и Цзычжэню немало хлопот. Правда, госпожа Ху была уверена, что и самому пасынку несладко: всё приданое, которое он так нагло вытребовал, наверняка уже прибрал к рукам Жун Чжао. Казалось бы, Ху должна была злорадствовать, но и тут радости было мало. Эти земли и лавки она планировала передать лишь формально, надеясь сохранить над ними контроль, а теперь они навсегда ушли к Ли-вану. К тому же она всё ещё лелеяла надежду, что после скорой смерти пасынка всё имущество вернётся в дом его родителей. Но, судя по действиям князя, тот явно не собирался ничего возвращать.

При мысли о потерянных богатствах у госпожи Ху щемило в груди и перехватывало дыхание. Она люто ненавидела пасынка и его грозного мужа, а необходимость ежедневно переписывать «Книгу ритуалов» по их приказу лишь подливала масла в огонь. Она была готова проклясть их обоих перед золотой статуей Ли-вана.

Но самое худшее было впереди. Теперь ей не только запретили трогать Чжу Цзылина, но и приказали найти способ помириться с ним. Более того — отныне она должна была всячески заискивать перед ним. Вспомнив наставления, которые ей втайне передал граф Сяовэнь во время её недавнего визита к родне, госпожа Ху ещё сильнее помрачнела. Праздник, на который она так стремилась, обещал стать для неё настоящим испытанием.